

Помнишь ли ты...

Вика Невинская - эти романтические инициалы порождали в воображении творческой натуры нечто: молодое, красивое, загадочное, авантюристичное... и et cetera, et cetera, et cetera.

Но если бы очарованному субъекту довелось заглянуть в паспорт Вики Невинской, то он прочел бы там следующее:

ФИО. Виктория Леопольдовна Невинская.

Возраст. Семьдесят два года.

Семейное положение - Прочерк.

Дети - Прочерк.

В. Л. Невинская в свои, скажем прямо, не молодые лета выглядела довольно прилично. Безусловно! Разумеется! Ну, что говорить и куда деться! Тут морщинка, там складочка, здесь мешочки и т.д. и т.п.

На вопрос - восклицание:

- Мадам, сколько вам лет!? В том смысле, что вы так хорошо выглядите!

Виктория Леопольдовна отвечала уклончиво - обтекаемо:

- Скажу вам так....

Тут следовала хорошо выдержанная пауза.
- На роль Джульетты меня все еще приглашают!

Большинство, знавших Викторину Леопольдовну, людей называло ее за веселый нрав, хлебосольность и вечно напеваемый ею дуэт Сильвы и Эдвина "Помнишь ли ты..." - нашей Сильвой

Ну, а злобное меньшинство, на то оно и злобное, давало Невинской только отрицательные характеристики.

- Как актриса ноль, - Говорили они, злостно улыбаясь при этом. - Роли же свои получала не за талант, а исключительно за интимные отношения с руководством.

Но если бы сбита с толку, этими недоброжелательными характеристиками, творческая личность, ну та, что представляла себе Вику Невинскую красавицей и юным существом, могла заглянуть в ее послужной список, то не нашла бы там и намека на звездные роли! Там не то, что звездной, там не пахло даже и второстепенной ролькой. Так

одни мелочевки, что-то вроде: четвертая девушка в сцене "комсомольское собрание", третий воин в "Свите Фортинбраса"

Короче, никаких - таких званий Виктория Леопольдовна не имела, престижных номинаций не выигрывала, под старость лет хоть и попала за границу, но не в Голливуд, а в унылую и полунущенскую эмиграцию.

Несколько лет Вика Невинская играла в местных театрах и телевизионных сериалах безмолвных старух. Так было до сегодняшнего дня. Дня, когда Невинской отказали и в театре, и на телевидении и даже на русской линии "секс по телефону"...

Семидесятидвухлетняя Вика Невинская поняла, что это профессиональный коллапс, что любимая профессия, которой отдана и молодость, и красота, и энергия и еще множество маленьких, средних, больших и огромных "И" - потеряна ею навсегда.

Виктория Леопольдовна пришла домой. Бросила в чашку с малиново-лимонным чаем полсотни желтеньких (цвет разлуки) таблеток. Простилась с любимыми плюшевыми игрушками, коих у нее в комнате водилось

бесчисленное множество. Пропела своей любимой кукле Сильве - "Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось?"

Взяла со стола кружку с ароматно дымящимся - как показалось Виктории Леопольдовне адским огнем, в который через мгновение она, непременно, угодит - смертельным эликсиром. Поднесла кубок с зельем к губам и в это время в квартиру кто-то постучал...

Дождливым осенним утром, повидавшая многое на своем веку и подрастерявшая на нем и молодость, и красоту, и надежды, и устремления, и, и еще много, много, много забытых и полузабытых "И" Оксана Терентьевна Максимовская собирала в дорожный несессер вещи.

- Тебя, синенькую кофточку, возьму, ты мне всегда была к лицу, а ты, красненькая, дома останешься. Красный цвет - дурной для дороги цвет. Тебя, клетчатая юбочка, я тоже заберу, а желтенькую - цвет разлуки, оставлю дома. Уж

ты, милая, не обессудь, - Разговаривала с вещами Оксана Терентьевна. - Вас, коричневые ботиночки, положу в чемодан, а вы, черненькие, - цвет смерти...

Не успела Оксана Терентьевна произнести слово смерть, как ощутила неприятное покалывание в области сердца.

На момент сбора чемодана Оксана Терентьевна имела за плечами семьдесят два года жизни и целый букет хворей: ревматизм, мигрень, сердечные спазмы...

Кроме этого, естественно морщины, складки и иные безобразия, портящие женщину - прекраснейшее Божье творенье - плюс маленькую пенсию за безупречную службу на ниве сеянья доброго и вечного.

Соседями (интеллигентами) О.Т. Максимовская характеризовалась как добрая, отзывчивая, готовая снять с себя последнюю сорочку и отдать ее нуждающейся душе. Жильцами же деловых качеств она рисовалась, как "стоеросовая дура".

Оксана Терентьевна почувствовав боль,

накапала себе в рюмочку корвалола. Выпила. Прилегла на кушетку.

- Сейчас пройдет, - Подумала О.Т. Максимовская.

Но пострадавшее на своем веку сердце решило хлопнуть напоследок сердечными перегородками и тряхнуть, что называется, стариной. Оно оторвалось от сосудов, артерий, аорт и стремительно, точно парашютист в свободном падении, полетело куда- то в холодные липкие старческие пятки.

- Господи, не дай мне умереть, - прошептала Оксана Терентьевна.

Господь видимо услышал женскую мольбу. Забарахливший мотор, точно гимнаст от батутных пружин, оттолкнулся от холодных пяток и стремительно полетел ввысь, выделявая при этом немыслимые кульбиты, фантастические перевороты и феерические сальто.

- Господи, спаси и помилуй меня! - вознесла молитву, к недавно побеленному потолку О.Т. Максимовская. И вновь Господь проявил милость свою. Сердце, попрыгав из стороны в

сторону, стало на место и подсоединилось к сосудам, клапанам и аортам.

- Нужно срочно звонить в неотложку.

О.Т. Максимовская подвинула к себе телефон. Трясущимися пальцами набрала номер экстренной помощи...

В приемном покое Оксану Терентьевну выслушал - сплав молодости и силы, красоты и интеллекта - доктор. Он постучал изящными перстами в области забарахлившего сердца. Прослушал его холодным фонендоскопом.

- Везите ее в сердечное.

Сказал он медсестре и направился к двери.

- Погодите, доктор. Мне нужно вам кое-что сказать, - Оксана Терентьевна легонько коснулась рукой кровати. Приглашая, таким образом, доктора присесть. - Простите, не знаю, как вас величать?

- Александр Алексеевич. Ответил доктор, присаживаясь на кровать.

- Александр. Саша. Хорошее имя... Вы похожи на киноактера Бруно Оя. Когда-то все женское население страны сходило с ума от этого двухметрового блондина красавца.

Задумывается. Улыбается. Что-то напевает.

- Александр Алексеевич...

Оксана Терентьевна замолчала, в этот миг ей, очевидно, вспомнилась ее молодость, красота, свежесть, надежды и ожидания и прочая, прочая, прочая.

- Помогите мне, Саша! - Трагически вознеся руки к доктору, заплакала Оксана Терентьевна.

- На то мы здесь и поставлены, мадам, чтобы помогать людям. И вам непременно поможем. Только вы перво-наперво успокойтесь. Лишние волнения вашему сердцу в данную минуту ни...

- Мне не плакать, мне рыдать, биться о стенку нужно, доктор, - Не дала закончить доктору Ольга Терентьевна. - Я предала ... променяла... отреклась. О Господи, что я наделала. Что я наделала!

- Да, успокойтесь, мадам, успокойтесь. Выпейте - как, вот это, -

Александр Алексеевич накапал в стакан, какой- то желтоватой жидкости.

- Выпейте! Выпейте, и вам тотчас же станет легче.

Максимовская послушалась совета доктора. Выпила. Некоторое время молча лежала.

Наконец, открыла тяжелые веки.

- Вам лучше? Поинтересовался доктор.

Максимовская кивнула.

- Ну, вот и хорошо, а теперь можете продолжать ваш рассказ на предмет, что вы продали и от кого отrekliсь? Я вас внимательно слушаю.

- Вы, наверное, думаете, что я сумасшедшая?

- Мадам, вы находитесь не в том отделении.

Так от кого вы отrekliсь?

Оксана Терентьевна вытерла слезы и начала рассказывать.

- Я отrekliлась от сына, доктор. Мой сын женился на прекрасной девушке, но ужиться с ней в одной квартире мне так и не удалось. Сын предложил: давай разменяем квартиру. Тебе комнату, нам две.

- Нет, ответила я. Мне государство давала эту квартиру, я ее никому не уступлю.

- Но, согласись, сказал мне сын, что и я имею право на часть этой квартиры. Без меня тебе бы ее не выделили. Ведь так?

Ах, так! Воскликнула я. - Вот ты как с матерью. Я тебя завтра отсюда вообще выпишу, к чертовой матери.

- Я и без выписки уйду. Только ты меня больше никогда не увидишь.

"Никогда не говори никогда", - знаете такое выражение? Так вот мой сын и разряда таких людей, которые если сказали никогда, то это значит никогда. И ведь я это прекрасно знала, знала, что он не позвонит, не напишет и никогда не приедет. Знала, что я никогда его больше не увижу. Вдумайся в это слово, доктор, НИКОГДА.

Сын собрал вещи и переехал с женой к приятелю. Потом я узнала, что они уехали за границу. Пятнадцать лет я его не видела....

Оксана Терентьевна заплакала.

Как вы себя чувствуете, Оксана Терентьевна? - поинтересовался доктор. - Может вы попозже вашу история закончите?

Оксана Терентьевна вытерла слезы и ответила.

- Нет, доктор, я ее должна сейчас закончить. Вроде, как исповедоваться. Ведь об этом только вы и знаете. Я ведь от близких и знакомых скрывала. Говорила, что все в порядке. Показывала письма от сына, которые сама и сочиняла. Стыдно ведь сказать, что сына

променяла на квартиру. Так и жила, эти 15 лет, обманывая себя и других. Но вот месяца два тому назад проснулась я, доктор, и почувствовала, что в этом году непременно умру. А как умереть, не простившись с сыном? В общем, продала я свою квартиру и решила ехать к сыну.

Как продали? - удивился доктор. - А где же вы теперь будете жить?

- Но я же вам говорю, что я в этом году умру, только не дайте мне умереть сейчас, доктор. Не дайте!

- Да, не волнуйтесь, Оксана Терентьевна, - успокоил Максимовскую врач. - Все будет хорошо. Полежите денек другой. Не более того...

- Правда?

- Истинная, - Заверил Александр Алексеевич и поинтересовался. - А сын-то знает, что вы приезжаете?

- Не знает.

- Отчего же так

- А вдруг он не захотел бы со мной встречаться. Ведь он же сказал никогда!?

- Ну, что вы, - Махнул рукой доктор. - Я

уверен, ваш сын переживает о случившемся!

- Вы думаете?

- Уверен! Воскликнул доктор. - На двести процентов, Оксана Терентьевна. Но, мне кажется, вам все - таки следовало его предупредить. Вдруг он куда-то уехал!?

- Нет, я узнала... он никуда в это время не уезжает. Прилечу к нему, как снег на голову.

- Это будет для вашего сына самый лучший снег в его жизни, - Доктор коснулся руки Оксаны Терентьевны. - Мы вас подлечим и полетите. Я вас в этом клятвенно заверяю - полетите!

- Спасибо, доктор! Спасибо, Саша, - Улыбнулась О.Т. Максимовская. - Храни вас Господь!

Доктор встал с кровати и вышел в коридор. Качалку с Оксаной Терентьевной покатила длинному сумеречному больничному коридору.

Анатолий Максимовский, для того чтобы удобней было общаться с партнерами по бизнесу, взял себе в свое время новое имя и

фамилию - Эндрю Макс.

Во второй половине солнечного, но холодного осеннего дня Эндрю Макс открыл дверь своей квартиры.

- Кто там? Донесся из кухни приятный женский голос. Голос жены Эндрю Кати Макс - симбиоз женской красоты и практичности.

- Я, - негромко отозвался Эндрю.

- Что так рано? Ну, хорошо, что пришел, я как раз заканчиваю твои любимые бараньи котлетки. Кстати, милый, мне тебе нужно кое-что сообщить. Кати вышла из кухни.

- А что это с тобой такое!? Ты такой бледный, изнеможенный, осунувшийся. Что - то случилось?

И, правда, если бы вам довелось увидеть Эндрю утром и после обеда, то вы бы, непременно, сказали, что это совсем разные люди. Потому что утро Эндрю являл собой красавца мужчину, а после обеда он оказался уже дряхлым стариком.

- Случилось, Кати, - Каким - то чужим, даже потусторонним голосом, ответил ей муж. - Случилось.

Эндрю протянул жене лист канцелярской

бумаги.

- Что это?

- Читай, там все написано.

Кати принялась читать. Вначале из ее правого глаза выкатилась маленькая прозрачная слезинка. Потом из левого показалась крупная и чистая как алмаз слеза. Даже не слеза, а слезище. Вскоре из обоих глаз хлынул (следствие косметической туши) поток.

- Боже, как же так? Размазывая черные слезы кулаком, вопрошала супруга. - Что же теперь делать?

- Ну, что делать? Что делать? - Эндрю Макс горько вздохнул - Умирать...

- Нет, только не это, - Отбросив бумагу и обняв мужа, закричала Кати. - Только не это! Я не хочу...

- Ну, что делать, дорогая. Хочешь, не хочешь, а все мы смертны. Рано или поздно это должно было случиться. Рождение случайность, а смерть закономерность. Мне не страшно умирать физически. Но мне страшно умирать, не сказав, матери прости! Ты знаешь, что меня за это там ждет?

- Где, там?

Эндрю показал пальцем на недавно выбеленный потолок.

- Не говори глупости. Во-первых, я тебя туда не пущу, а вторых ты ни в чем не виноват. Вспомни, что сказала твоя мама. Ну и пусть я вас никогда не увижу! Мне все равно! Она променяла сына на квартиру. Разве не так?

- О, Кати, мать, вправе говорить сыну все, что захочет и сын не должен на это обижаться, а должен воспринимать ее слова как слова Бога. Ибо через родителей он с нами разговаривает, а если мы их не слушаем, значит, не почитаем, а сказано "Почитай отца твоего и мать свою: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле". Я не почитал и вот не дожил и до пятидесяти и не имею детей!?

- Не говори глупостей. Ты знаешь, что у нас могут быть дети, просто ты все время откладываешь это на потом. Но я сейчас не о детях, а о родителях, которые, между прочим, тоже должны почитать детей своих, ибо они дарованы им Богом. Ведь так!? Раз так, то дарованное нужно любить, а не отшвыривать,

как нежную вещь со словами - Мне все равно!
Лишь бы мне осталась квартира!

- Да Бог с ней с этой квартирой, - Скривился, точно от зубной боли, Эндрю. - Я о ней давным-давно позабыл. Что мне о ней вспоминать, когда у нас дом, поместье, домик в горах... Боже, о чем вообще говорим!? Мне нужно срочно лететь к матери, упасть в ноги и молить о прощенье. Где наш дорожный чемодан.

Эндрю направился в бейсмант, где хранились чемоданы.

- погоди, - Преградила ему путь Кати. - Прежде всего, тебе нужно лечиться. У тебя, как сказано в бумаге, с завтрашнего дня назначены медицинские процедуры.

Эндрю иронично усмехнулся.

- Кати, ну ты же должна понимать, что в моем случае нужно заботиться о душе, а не о теле. Я еду и немедленно!

- Нет, ты никуда не поедешь, - Кати стеной стала на пути мужа. - Ты будешь лечиться и вылечишься. Я так сказала и так будет!

Бледное лицо Эндрю запылало

негодованием.

- Если я не поеду к матери. Не извинюсь! Не попрошу у нее прощение! То... то... то.... То меня ждут вечные муки ада! Ты этого хочешь?

И не дав жене раскрыть рта, продолжил.

- Хочешь моих вечных мучений? Вечность - это не семьдесят, восемьдесят или даже сто лет, а ВЕЧНОСТЬ! Я знаю, что меня это ждет! Я это чувствую - кожей, нервами, мышцами, конечностями. Сердечными аортами, большим и малым кругом кровообращения. Всеми, фибрами, клеточками, атомами и извилинами ДНК. Мне страшно... страшно... так страшно, что не передать словами. Я немедленно к ней вылетаю. Приеду, упаду в ноги, и буду молить о прощении.

- Сядь, - Кати с трудом усадила мужа на диван. - Сядь и остынь. Я все понимаю и не хочу причинять тебе страдания. Но ехать тебя сейчас нельзя.

- Но я...

- Помолчи, - Кати грязной от косметики ладонью закрыла мужу рот. - Помолчи и

выслушай меня...

Эндрю попытался что-то сказать, но рука жены мешала произносить ему членораздельные звуки, тогда он одобрительно махнул ресницами.

- Ну, вот прекрасно, а теперь слушай. Лететь тебе никуда не нужно, а нужно, чтобы твоя мама приехала к нам. Я уверена, что ее приезд стимулирует твой организм к борьбе с болезнью, кроме этого мы помиримся, а заодно она посмотрит, как мы живем. Ну, согласишься, это выглядит предпочтительней твоего внезапного прилета к ней.

Кати опустила руку. Эндрю вытаращил глаза и несколько минут молча глядел на супругу. Наконец, открыл рот и громко воскликнул:

- Кати, ты гений! Как это я сам не придумал!? Нет, ты просто чудо. Я всегда это говорю, говорил, и буду говорить и там, - Эндрю вновь ткнул пальцем в потолок.

- На высшем суде! Да, кстати, нам нужно немедленно ей позвонить, предупредить и начинать оформлять визу. Но с другой стороны. Она узнает, что я болен? Она этого не перенесет.

Кати пригладила седой ежик волос Эндрю и покачав головой, сказала:

- А если ты поедешь туда, то она этого не узнает?

- Как же она узнает?

- Дорогой мой - это написано на твоём лице лучше, чем в любом медицинском заключении. Значит так. С завтрашнего дня начинаешь лечиться... нужно, чтобы ты к приезду матери выглядел нормально, а я займусь её приездом.

- Но ей нужно хотя бы позвонить!? Эндрю попытался встать с дивана.

- По твоему голосу она сразу догадаться, что с тобой что-то не то, - усадила мужа Кати. - По этому я все сделаю сама. Позвоню.

Предупрежу. Оформлю визу. Куплю билеты. Встречу её в аэропорту и привезу её к тебе. Согласен?

- Разве я когданибудь был не согласен с тобой, дорогая, - Эндрю обнял жену и спросил. А что ты хотела мне сказать, дорогая?

- Позже, милый. Позже...

На следующий день Эндрю с женой пришли

к врачу.

- Добрый день, - Доктор Джеймс Ваксман сверкнул белозубой улыбкой и указал на стул. - Ну, что ж. Я еще раз внимательнейшим образом ознакомился с вашими анализами мистер Макс и считаю, что вам необходимо лечь к нам в клинику.

Возможно, потребуется хирургическое вмешательство.

- Не знаю, - Замялся Эндрю. - У меня...

- Не слушайте его, доктор. - Вмешалась в разговор Кати. - Он согласен. Ведь ты согласен, дорогой. - Кати грозно сверкнула своими черными очами. - Ведь так?

- Да, конечно. Конечно, согласен, - Для пущей убедительности Эндрю кивнул своим седым ежиком.

Так Эндрю Макс оказался в больнице. Шли дни. Недели. Увы, не помогло ни терапевтическое лечение, не эффективным оказалось и хирургическое вмешательство. Эндрю таял и угасал, как дешевая церковная свеча.

- Кати, ну где же мама? Каждый день спрашивал жену Эндрю. - Почему она не едет?

- Погоди, дорогой, погоди. В ее возрасте не так легко получить сюда визу.

- Но ведь я болен. Может быть, мне осталось...

Жена приложила палец к губам.

- Хорошо молчу. Молчу. - Вымученно улыбнулся Эндрю. - Но нужно хотя бы сказать об этом бюрократам из эмиграционного офиса. Пусть они ускорят эту процедуру.

- Если бы не это обстоятельство, - Кати платочком вытерла выбежавшую слезинку. - То эта процедура затянулась бы на год, а то и больше.

Прошла еще неделя. Жизненный максимум Эндрю Макса был определен докторским консилиумом - "несколько дней". И когда уже казалось, что не осталось ни малейшей надежды умереть прощенным, в палату вошла мать.

Она изменилась за эти более чем десять лет, постарела, но Эндрю сразу ее узнал. Он узнал бы ее даже и в многолюдной толпе. Он протянул к ней руки. Они обнялись и заплакали.

- Мама. Мама. Мама прости меня. Прости. Я

негодяй. Подлец. Прости, - Говорил он сквозь душачие и мешающие ему говорить слезу. - Я негодяй!

- Это ты меня прости мой мальчик, -
Отвечала ему горько плачущая мать. - Прости.
Потому что это я во всем виновата. Только я.

- Не правда, мама. Не правда. Мать не может
быть виновата перед сыном. Никогда!
Слышишь никогда!

- Успокойся, сынок. Успокойся, - Погладила
бритую наголо голову сына Оксана
Терентьевна. - Лучше расскажи, как ты живешь
здесь.

- Ну, ты же сама видишь, как живу, - Тяжко
вздохнул Эндрю. - Точнее доживаю.

- Не говори так, - Погрозила как в детстве
сыну Оксана Терентьевна. - Ты обязательно
выздоровеешь. Да, кстати я уже была у тебя
дома. Красивый просторный дом. У нас в
таких, только что эти, каких их???? Олигархи
живут.

- Ну, разве это дом, - Усмехнулся Эндрю. -
Вот я, дай Бог, выйду из больницы. Вот тогда -
то я тебе покажу настоящие дома. Ты ахнешь
от изумления! Ну, а нас как дома дела. Кстати

мне сегодня снилась моя первая учительница. Анна Самуиловна.

- Да, да... точно Анна Самуиловна! Твою первую учительницу, звали Анна Самуиловна, - Улыбнулась Оксана Терентьевна. - Смотри, какая у тебя память. Она, между прочим, передавала тебе привет.

- Анна Самуиловна? Изумился Эндрю. - Не уже ли она все еще жива. Ведь же сейчас, наверное, лет сто! Не может быть!?

- Точно, сто. В этом году справляли ее столетний юбилей. Церемония проходила в актовом зале вашей школы! Меня пригласили как бывшую заслуженную учительницу. Да, не забыли, слава Богу. Море цветов, речи. Анна Самуиловна речь сказала. Ей хоть и сто, а живенькая старушка. Живенькая! Тебя вспомнила.

- Меня?

- Ну, да говорила, что ты был лучшим тенором школьного хора.

Эндрю удивленно взглянул на мать.

- Я лучший тенор? В школьном хоре!? Да, мне же с детства медведь на ухо наступил! Вот у тебя голос так голос! Он и за пятнадцать лет

не изменился. Все такой же звонкий, свежий, волнующий.

- Правда? - Смутилась Оксана Терентьевна. - Ну, спасибо, спасибо, а про тебя Анна Самуиловна, что-то напутала сто лет не шутка сказать!

- Да, сто лет, - Вздохнул Эндрю. - Сто лет, а я даже и до пятидесяти не дотянул.

Мать вновь погрозила сыну пальца.

- Молчу, молчу. Ну, а как родственники наши. Тетя Наташа? Александр Иванович? Вера жена дяди Виктора?

- Все живы, здоровы, слава Богу. Дяди Виктор просил передать тебе огромный привет. Он...

- Погоди, мама, как привет? Ведь дядя Витя умер еще до моего отъезда. Ты что - то путаешь.

- Так это не тот Виктор. Я имею в виду, того Виктора, что по папиной линии...

- По папиной? Я что - то не помню с его стороны Виктора. Дядю Боря. Николай Иванович. Этих помню, а Виктора не помню. Какой он?

- Да, Бог с ним с Виктором и Василием

Ивановичем, или как там их. Я вот посмотри, что тебе приготовила, - Оксана Терентьевна полезла в сумку. - Бульон куриный. Твои любимые бараньи котлетки...

- А откуда ты знаешь про бараньи котлетки? Я ведь их только здесь полюбил. Кати, сказала?

- Ну, да Кати, а откуда бы мне знать. Мы ведь пятнадцать лет не общались.

- Неужели пятнадцать! - воскликнул Эндрю.
- Я думал меньше. Боже мой. Боже мой. Ведь это огромный кусок жизни и пропустил его мимо себя. Пятнадцать лет не общался с матерью. Пятнадцать лет! Ах, я негодяй!

Эндрю горько заплакал. Оксана Терентьевна принялась вытирать платком его слезы.

- Ну, успокойся, сынок. Успокойся. Ты не в чем не виноват. Наверное, так нужно было. Значит - это было записано в книге наших судеб.

Эндрю покачал головой.

- Нет, мама, главные решения в жизни принимает человек.

- Эх, сынок, сынок, - Горько вздохнула Оксана Терентьевна. - О, если бы человек сам принимал решения, то мы бы давно жили в

Раю. Потому что на деле, обычный человек, как правило, думает одно, говорит другое, а делает третье. О, если бы он думал сам, а то ведь за него думает, то квартира, то машина, то завещание, а то и бутылка водки. Так, что не терзай себя. Ты ни в чем не виноват. Я люблю тебя, таким как ты, есть и все эти пятнадцать лет любила тебя и всегда, всегда буду любить...

- И я тебя, мама, любил. И в церкви за тебя молился и просил за тебя Бога.... Прости, прости, мама....

Мать и сын обнялись и заплакали, и это были слезы искупления, слезы очищения, слезы прощения. Слезы небесной радости.

Стемнело. В комнату вошла медсестра и Кати.

- Пора домой, Оксана Терентьевна.

Мать поцеловала сына и вышла в ярко освещенный больничный коридор....

Финал

Конец декабря. Вечер. Фонари. В их

желтоватом мистическом свете кружатся крупные снежинки. Пахнет сладковатым каминным дымом. В темном морозном воздухе предчувствие Новогоднего чуда. На шумной городской улице носом к носу столкнулись актеры местных театров. Иван Кобылин и Вера Языкова. После дежурных: как поживаешь, как дела и эцетера.

Кобылин поинтересовался у знакомой:

- Ты слышала, как Вика раздела одну состоятельную даму?!

- Нет.

- Да, ты что!? Ну, тогда слушай. У одной состоятельной дамы заболел муж, а этот муж в свое время поссорился с матерью и 15 лет с ней никак не общался. Так вот этот муж, объелся груш, узнает о своей болезни, проникается раскаяньем и т.д. и т. п. короче, желает перед смертью извиниться перед матерью, а дело в том, что извиниться- то он не может!

- Почему?

- Да не перед кем ему извиняться! В тот день... ну, когда он узнал о своем смертельном диагнозе и проникся, так сказать, раскаяньем на другом берегу океана умерла его матушка.

Ну, как тебе завязка? Почти Шекспир! Короче, жена, чтобы не травмировать и без того травмированного супруга, нанимает на роль матери... Кого ты думаешь?

- Кого?

- Нашу незабвенную Вику! В последние дни жизни мужика, когда тот уже сидит на наркоте и плохо, что понимает Вика, разыгрывает этюд "Мать у изголовья умирающего сына"

Этюд для нее несложный - чуточку грима, а возраст у нее тот же, что и матери клиента. Голос? Но ты же знаешь пародировать она мастерица, этого у нее не отнять. Короче, мужик так и окочурился в полной уверенности, что перед ним его мама, а дамочка, ну жена этого прощенного сына, за услугу - отдала Вике свой загородный дом и, кроме того, еще выплачивает офигенный гонорар...

Вот такой случился на вечерней улице театральный разговор.

Но не нужно верить словам злопыхателей. На то они и злопыхатели.

Врут они все. В действительности за свою последнюю роль Виктория Леопольдовна не взяла ни цента. Хотя Кати и предлагала ей

солидные деньги.

Врут недруги, утверждая, что, получив деньги, Виктория Леопольдовна проводит теперь летние дни на своей загородной вилле.

Для того чтобы убедиться, что это не соответствует действительности, вам нужно погожим летним днем заглянуть в русский сектор городского кладбища.

Там у скромного мраморного креста с выгравированными на нем инициалами "Эндрю Макс" вы непременно отыщете пожилых лет даму, которая то молится, то сажает цветы, то убирает могилку от сорняков, а то просто молча сидит на раскладном стульчике.

Кладбищенская дама - ни кто иная как Виктория Леопольдовна Невинская.

Она по-прежнему живет в той же заваленной плюшевыми игрушками и куклами квартире и очень дружна с Кати Макс. Да что дружна - они теперь прямо как мать и дочь!